

СМОТРИТЕ, КАК

Андрей ПAVЛУШИН

Сцена из спектакля «Ревизор»

САМ СЕБЕ РЕВИЗОР

ТЕАТР НА СОБОРНОЙ ПРИГЛАШАЕТ РЯЗАНЦЕВ В ЗЕРКАЛЬНЫЙ МИР ГОГОЛЯ

Вера
НОВИКОВА
обозреватель
«Новой»

Среди всех творений природы (или изобретений человека?) зеркало – одно их самых удивительных. Его двойственная природа дает нам возможность взглянуть на себя не только своими собственными глазами, но и чужими. Слово со стороны. В пьесе «Ревизор» Николай Васильевич Гоголь заманивает читателя в настоящий лабиринт отражений. На входе лукаво грозит эпиграфом: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива». В финале дает время обстоятельно всмотреться и осознать эту кривизну: знаменитая немая сцена по задумке автора должна длиться полторы минуты. Замкнутый круг, находясь внутри которого каждый может убедиться, что за почти два столетия ответ на вечный вопрос: «Чему смеетесь?» – ничуть не изменился. Премьерный спектакль Рязанского театра юного зрителя «Ревизор» в постановке Марины Есениной приглашает зрителей в зеркальный, опрокинутый мир Гоголя. Открывается занавес и сразу становится ясно: сейчас все покатится по наклонной, полетит в тартарары.

Остается лишь удивляться, как держится и вообще стоит эта странная деревянная конструкция!? Вся сцена занимает огромный дощатый помост, в котором, кажется, нет ни одного прямого угла (художник-постановщик Юлия Ксёнова). Массивные ножки будто подгибаются, один угол задран, другой – клонится к

полу. Над ним висит такой же покосившийся карикатурный портрет некой царственной особы. Зеленый свет, заливая поверхность стола (художник по свету Георгий Горазев), создает иллюзию казенного чиновничьего сукна. И на вершине (пока еще на вершине!) этого нескладного, неуклюже сколоченного мирка нависает угрюмый и озабоченный городничий (Владимир Баранов), готовый произнести свою легендарную фразу: «Я пригласил вас, господа, с тем чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор».

Хрестоматийный текст в спектакле бережно сохраняется. Но избавленный от натуралистических декораций и бытовой предметности он гармонично и естественно вписывается в день сегодняшней, вторя пульсу нашего времени.

Маховик известных событий раскручивается как бы нехотя, спросток. Дремотное царство чиновников словно не может поверить и очнуться от апатии. Один – растянулся на столе, другой – кемарит, откинувшись на спинку стула, третий – и вовсе похрапывает на полу. Даже городничий будто только что по-

гоголевских персонажей. Жесты, интонации, манеры – для каждого найдены характерные штрихи и подробности. Робкий и услужливый смотритель училищ Хлопов (Илья Комаров) – ходячее олицетворение фразы «не случилось бы чего». Важный и самодовольный судья Ляпкин-Тяпкин (Алексей Ушаков). Равнодушно-меланхоличный попечитель богоугодных заведений Земляника (Владимир Коняхин), также бесстрастно готовый оболгать, оклеветать, донести. Вездесущий почтмейстер Шпекин (Владимир Приз), буквально захлебывающийся от восторга при чтении разоблачающего письма в финальной сцене. Наконец, неразлучная парочка – Добчинский и Бобчинский. Блестящий дуэт Константина Зенкова и Дмитрия Мазепы, тараторящих, перебивающих друг друга, взвинчивает до предела ту нервную, лихорадочную атмосферу, которая предшествует встрече с Хлестаковым (Николай Ребров).

На фоне унылой толпы провинциальных чиновников, затянутых в серые мундиры, Хлестаков и правда производит впечатление столичной штучки. Желто-

Впрочем, Хлестаков-то как раз взлетает. Почти буквально. Ошалевшие от выпавшей им чести принимать такого видного гостя чиновники таскают его на руках и осыпают настоящим дождем из ассигнаций.

Деньги в этой постановке везде. В карманах, конвертах, ботинках, за манжетами рукавов, в галстук-бабочке, банке с огурцами и даже на программке спектакля. Эпизод дачи взятком превращается в настоящую буффонаду, парад мини-бенефисов, где у каждого персонажа есть свой коронный выход. Увесистые пачки, полусмятые купюры, туго скрученные рулончики, звонкие монетки, которые перепадуют даже ловкому слуге Осипу (Роман Данилин). Но в итоге не от них Хлестаков теряет голову, а от собственного вранья. Захлебывается им, хмелеет словно от вина, которое вливают в него «гостеприимные» горожане из нарочито огромных, нереальных бокалов. Упиваясь своими выдумками, мнимый ревизор сам начинает в них верить и пробует на прочность дамские сердца (еще один замечательный комический дуэт Марины Заланской (Анна Андреевна) и Наргиз Мустафаевой (Марья Антоновна)).

В финале отблеск будущей столичной жизни словно уже озаряет семью городничего. Наглухо застегнутые дамские платья сменяются смелым декольте, в костюмах появляются яркие детали, как «перышки» от павлиньего наряда Хлестакова. Провинциальная чопорность уступает место снисходительному высокомерию. В треугольной деревянной конструкции Сквозник-Дмухановские горделиво усаживаются на самом вершине, а вокруг них располагаются все действующие лица этого густонаселенного спектакля.

Положение, поза, выражение лица каждого персонажа тщательно выверены. Полусогнутая спина, чуть опущенные плечи, почтительно сложенные руки, угодливый взгляд... Смотреть снизу вверх – так привычно и покойно. Здесь все свои, связанные общими грехами. Тем обидней и оскорбительней городничему скатиться с этого пьедестала. Свой финальный монолог герой Владимира Баранова произносит без всякого комикования. Его персонаж – живой и близкий, с понятными всем слабостями и страстями. Вот только совесть давно потеряна, нутро прогнило, ум расплекался. Да и не у него одного. Вот если бы каждый стал сам себе ревизором, то, глядишь, и не понадобился бы никакой «инкогнито из Петербурга».

« ДЕНЬГИ В ЭТОЙ ПОСТАНОВКЕ ВЕЗДЕ. В КАРМАНАХ, КОНВЕРТАХ, БОТИНКАХ, ЗА МАНЖЕТАМИ РУКАВОВ, В ГАЛСТУК-БАБОЧКЕ, БАНКЕ С ОГУРЦАМИ И ДАЖЕ НА ПРОГРАММКЕ СПЕКТАКЛЯ

кинул теплую постель: на нем уютный халат, ночной колпак и мягкие домашние тапочки.

Однако постепенно спектакль набирает обороты, а ритм – стройную четкость, отмеряемую музыкальными восклицательными знаками. «Пьеса начинается с ослепительной вспышки молнии и кончается ударом грома» – это блестящее определение Набокова в постановке подтверждается аудиально. В спектакле использована музыка Альфреда Шнитке и сочинения композитора ТЮЗа Владимира Устинова. И эта яркая партитура увлекает действие за собой: от громяющей волны звуков до саркастической полочки (балетмейстер Татьяна Яковлева).

Также с пиететом создатели спектакля отнесли и к хрестоматийным образам героев пьесы. Актерские работы представляют выразительные портреты

зеленые брюки, красный жилет, синий сюртук – диковинная птичка какого-то недостижимого, высшего полета. Отвечая этой ассоциации, Николай Ребров легко и по-мальчишески азартно порхает по сцене, так же, как его герой – по жизни. И с обескураживающей наивностью удивляется, как он залетел в эту убогую каморку.

Крохотная, занавешенная дешевым ситцем клетушка прячется все под тем же помостом. Выглядывая из нее, Хлестаков мысленно взирает на богатых посетителей трактира, поедающих семгу и котлеты, и восклицает: «Отчего же я, черт возьми, не могу так же?» Даже не завидует, а искренне недоумевает, считая себя априори достойным. Напоминая этим бездумным простодушием детей цифровой эпохи, примеряющих на себя жизнь известных блогеров, рэперов, поп-звезд и прочих «небожителей».